

Глава 26: Я замужем? Я замужем!

Они прошли через двор, войдя в буддийский зал и проходя прямо мимо трех статуй, стоявших перед ними, и остановились перед последней с красной тканью на плечах.

"Это Юэлао," — тихо сказал Лу Жун.

Шэнь Цзицзе кивнул: "Да."

В этот момент в глаза этих двоих, глина, обернутая в красную ткань, уже не был такой забавной, а грубые черты лица не были небрежными, а смотрелись весьма внушительно.

На земле лежал только один футон, Шэнь Цзицзе отошел в сторону и притащил другой, посмотрев друг на друга, они опустились на колени на футон, научившись это делать после прошлого похода в храм вместе с дедушкой Цаем.

В буддийском зале было очень тихо, Лу Жун сложил руки вместе и заглянул себе за спину. Случилось так, что Шэнь Цзицзе тоже смотрел на него в том же положении.

"Что мы собираемся делать дальше?" — тихо спросил Лу Жун.

Шэнь Цзицзе непонимающе посмотрел на него, начиная вспоминать действия из телесериала. Пока он пытался вспомнить, из-за двери донесся голос мастера Хуна: "Вы должны предложить благовония."

Они оба повернули головы и увидели служителя Хуна, прислонившегося к дверному косяку, с миской в левой руке и палочками для еды в правой, с небольшим свертком красных вещей подмышкой.

Он вошел, поставил чашу на стол для подношений и вытащил то, что было у него подмышками: "Пара красных свечей, девять ароматических палочек, символизирующих долголетие."

Шэнь Цзицзе вспомнил, что все верующие по телевизору воскуривали благовония и зажигали свечи. Это необходимая процедура.

Мастер Хун потряс перед собой связкой ароматических палочек: "Хотите?"

"Хотим," — решительно ответил Шэнь Цзицзе.

Когда Шэнь Цзицзе взял ароматическую палочку, служитель Хун достал из кармана зажигалку: "Хотите?"

"Хотим."

Как их можно зажечь без зажигалки? Определенно она им нужна.

Мастер Хун удовлетворенно улыбнулся и, как будто был фокусником, достал из-за спины маленькую корзинку: "Стопка золотых слитков, две красные веревки, тридцать шесть красных цветов и один кусок красного шелка длиной больше фута. Хотите?"

"Это все нужно для поклонения Юэлао?" — Шэнь Цзицзе посмотрел на корзину и спросил.

"Конечно, искренность должна быть полноценной. Получив благовония от вас двоих, Юэлао использует золотые слитки, чтобы купить бутылку Маотая, полкатти (1) тушеного мяса и немного вина. Как вы думаете, старик будет счастлив?"

(Полкатти — 300 грамм.)

Лу Жун представил себе эту сцену и подтвердил: "Будет."

"Верно, как только старик будет счастлив, разве маленькая красная веревочка не будет привязана к вам двоим узлом? При всем желании, вы не сможете его развязать," — сказал мастер Хун.

Шэнь Цзицзе повернул голову и взглянул на Лу Жуну. Увидев, что его глаза сияют, он сказал: "Тогда я хочу все вещи из этой корзины."

"Итого тридцать пять, считай, тебе тридцать юаней за содержимое плюс эта корзина," — служитель Хун с готовностью сунул бамбуковую корзину Шэнь Цзицзе, вновь протягивая руку.

Шэнь Цзицзе достал купюру из кармана брюк и протянул ему.

Лу Жун не ожидал, что тот попросит денег, его не волновало, будет ли пить Юэлао или нет, он протянул руку, чтобы остановить его, но был на шаг позади мастера Хуна, схватившего чужую руку.

Мастер Хун поднес деньги к свету, посмотрел на водяной знак внутри, с удовлетворением положил их в карман белого халата и сказал: "Два благодетеля, подождите минутку, я приду, когда все будет готово."

Они превратились из детей в маленьких благодетелей.

Служитель Хун повернулся и вышел из буддийского зала. Шэнь Цзицзе поставил корзину на

землю и начал перебирать содержимое. Лу Жун присел рядом с ним на корточки и наблюдал.

Шэнь Цзицзе был поражен слитками, сделанными из золотой бумаги, и сафлором (2). Лу Жун впал в транс, осознавая, что эти вещи стоят тридцать юаней.

(Сафлор — жёлтый цветок, используемый как краситель.)

Сколько можно купить конфет? Юэлао использует их так просто...

Через несколько минут мастер Хун вернулся, на этот раз одетый в монашескую рясу поверх белого халата, выглядящий также.

Он вручил Шэнь Цзицзе семьдесят юаней, которые пошел искать, с серьезным выражением лица подошел к ним, подтащил футон, сел, начиная постукивать по деревянной рыбе в руках.

Как только раздались бормотание сутры и стук по деревянной рыбе, атмосфера в буддийском зале внезапно стала торжественной, а убогость придала древней атмосферы.

"Мы можем начинать?" — спросил Шэнь Цзицзе.

Мастер Хун опустил глаза и слегка кивнул.

Шэнь Цзицзе зажег красные свечи и благовония, и, когда он собирался поджечь слитки и красные цветы, мастер Хун внезапно открыл глаза, выбросил деревянную рыбу и выхватил корзину.

"Не трогайте, я взял плату только за благовония. Они взяты в аренду. Вам нужно только дыхание Будды. Вам не нужно их сжигать. Идите и зажгите красные свечи и благовония."

Шэнь Цзицзе последовал его инструкциям и расставил красные свечи в подсвечниках по обе стороны статуи, а благовония вставил в курильницу, прежде чем снова опуститься на колени.

Служитель Хун закрыл глаза и продолжил стучать по деревянной рыбке. Двое детей, взволнованные и нервные, посмотрели друг на друга, поджали губы и улыбнулись.

"Что мне делать дальше?" — Одними губами произнес Лу Жун, обращаясь к Шэнь Цзицзе.

Шэнь Цзицзе посмотрел на мастера Хуна в поисках помощи. Видя, что тот сосредоточенно читает Священные Писания, он подумал, что это должно быть похоже на то, что делали бумажные человечки той ночью. Он все еще помнил, что говорил бумажный человек, поклоняясь.

"Первый поклон — Небу и Земле," — Шэнь Цзицзе упал на землю, говоря.

Лу Жун тоже опустился на колени и одними губами произнес: "Первый поклон — Небу и земле."

Бормотания мастера Хуна внезапно прекратилось, он слегка приподнял веки, чтобы посмотреть на двух детей, ползающих по земле. Уголки его глаз дернулись, и он продолжил как ни в чем не бывало.

"Второй поклон — старшим," — Шэнь Цзицзе продолжал падать ниц перед глиняной статуей, и Лу Жун последовал его примеру.

"Муж и жена кланяются друг другу."

Как только Шэнь Цзицзе сказал это, он почувствовал, что что-то не так, выпрямился и ошеломленно посмотрел на Лу Жуну.

Лу Жуну было все равно, он повторил фразу о поклоне и с серьезным лицом снова пал ниц перед статуей.

Шэнь Цзицзе увидел, что служитель Хун все еще стучит по деревянной рыбе, не возражая против этого заявления. Казалось, в этой процедуре не было ничего плохого. Более того, Лу Жун, стоявший рядом с ним, уже закончил поклоны и смотрел на него, так что, несмотря на свои сомнения, ему пришлось поклониться.

"Ладно, ладно, закончили, можешь вставать," — мастер Хун быстро встал, его взгляд блуждал, не глядя на них.

"Мастер Хун, мы с моим гэгэ никогда не расстанемся?" — спросил Лу Жун.

Мастер Хун дотронулся до своего носа и что-то промурлыкал.

"Значит, я состарюсь вместе со своим гэгэ?" — С тревогой спросил Лу Жун.

"Ах... да, вы... ах... никогда не разлучаетесь, точно так же, как другие мужья и жены."

Лу Жун радостно запрыгал на месте, подбадривая: "Хорошо, мы с гэгэ никогда не расстанемся."

Мастер Хун достал из корзины золотые слитки и красные цветы, спрятал их под подол своей мантии и снова передал пустую корзину Лу Жуну.

"Дыхание Будды из этих золотых слитков и сафлора было поглощено. Я останусь и продолжу изливать дыхание Будды, возьмите с собой корзину," — сказал он.

Лу Жун принял корзину с улыбкой на лице, и фраза о том, что они никогда не расстанутся, сделала его очень счастливым.

Шэнь Цзицзе в оцепенении опустился на колени на фuton. Он думал о фразе "муж и жена", затем вспомнил свое спонтанное поклонение. Он чувствовал, что эта процедура немного отличается от того, что он думал.

Служитель Хун придержал подол монашеской рясы, поклонился статуе Юэлао и тихо прошептал ему что-то на ухо.

Лу Жун подошел к нему поближе и смутно услышал что-то странное, но не воспринял это всерьез.

"Пойдем, все уже сделано, можете идти." — Мастер Хун снял халат со слитками и положил его на стол для подношений, взял миску с рисом, стоящую рядом с ним, и продолжил облизывать губы: "...Он все еще горячий."

Шэнь Цзицзе и Лу Жун встали и вышли вслед за ним.

Проходя мимо стоящей перед ним статуи, мастер Хун, пережевывая пищу, уставился вверх: "Эта глупая птица вновь лишила его глаз."

Шэнь Цзицзе услышав эти слова, посмотрел туда только для того, чтобы взглянуть на статую с черными бобами, вставленными в качестве бусин для глаз. Черные бобы в его глазах исчезли, оставив только небольшую ямку.

Мастер Хун поковырялся в своей миске с рисом, выбрал арахис, забрался на сервировочный стол и положил его в маленькую ямку.

Он спрыгнул со стола, хлопнул в ладоши и удовлетворенно сказал: "Теперь все в порядке."

Повернув голову и увидев, что Шэнь Цзицзе и Лу Жун пристально смотрят на него, он объяснил: "Завтра я попрошу черный самоцвет из Цюу, чтобы сделать глазки для статуи."

"Ты хочешь поклоняться еще кому-нибудь?" — Мастер Хун отослал двоих за дверь.

К этому времени Шэнь Цзицзе уже пришел в себя, поэтому он спросил: "Кому ещё поклоняться?"

“Во дворе также есть Бог Богатства, которого недавно сделали. Если вы хотите поклониться, я могу отвести в его зал.”

Шэнь Цзицзе не был заинтересован в богатстве, поэтому отказался.

“Вы можете попросить о чем-то другом, например... Бог, рисующий и греющийся на солнышке. Вы можете попросить его благословить вас на 100% сдачу экзамена, вы сможете побеждать в драках, ловить рыбу и птиц, находить яйца крупнее, чем у других,” — сказал мастер Хун.

Шэнь Цзицзе: ...

Он казался заинтересованным.

Лу Жун поспешно встал между ними, накрыв карманы брюк Шэнь Цзицзе, отчаянно замотал головой и сказал: “Больше никакого поклонения, больше никакого поклонения.”

“Хорошо, возвращайся, когда захочешь поклониться, я дам тебе скидку 30% на Бодхисаттву и других бессмертных,” — с сожалением сказал мастер Хун.

Выйдя из ворот храма, Лу Жун прошел несколько шагов, а затем повернул назад, выхватив бамбуковую корзину, которую мастер Хун нес в руке.

За него заплатили, значит оно принадлежат им, его нельзя просто забрать обратно.

Увидев удаляющиеся спины этих двоих, мастер Хун прислонился к дверному косяку и громко сказал: “Парочка, идите медленно, обратите внимание на спуск с горы, не упадите.”

Шэнь Цзицзе вел Лу Жуна вниз по каменным ступеням, его тело напряглось, когда он услышал эти слова, он медленно повернул голову.

Мастер Хун поднял ногу, чтобы преградить путь курице, которая хотела выскользнуть за дверь, и сказал с улыбкой: “Вы двое только что поклонялись, разве вы не стали парой? Вы знаете, что такое свадебная церемония? Вы поженились и связали себя узами брака.

“Узы брака, поженились?” — Шэнь Цзицзе открыл рот от изумления, на его лице было написано недоверие.

“Да, значит, вы пара.” — Мастер Хун радостно сказал: “Жених, ты должны хорошо относиться к своей невесте.”

Сказав, независимо от реакции двух детей, он улыбнулся и удалился, с грохотом закрыв дверь

во внутренний двор.

Лу Жун посмотрел на закрытую дверь во внутренний двор, а затем поднял глаза на Шэнь Цзицзе: "Гэгэ, то, что сказал мастер Хун, правда?"

В этот момент Шэнь Цзицзе все еще был в шоке, его глаза тупо смотрели перед собой, а в голове все переворачивалось вверх дном.

Лу Жун не стал дожидаться ответа и безучастно сказал сам себе: "Но мне всего восемь лет, как я могу вступить в брак до достижения выпускного класса? Кажется, никто из моих одноклассников не в браке."

Шэнь Цзицзе все еще был как громом пораженный, не получив никакого ответа, Лу Жун снова погрузился в размышления.

В браке должны быть два самых близких человека. Если он вышел замуж за своего гэгэ, значит они будут близки с ним.

Кажется... этот брак неплох?

Думая об этом, на лице Лу Жуна постепенно появилась радость, он протянул руку, подтягивая Шэнь Цзицзе за рукав: "Гэгэ, итак, мы замужем."

Ошеломленный мозг Шэнь Цзицзе уловил слово "брак", мгновенно пришел в себя и с тревогой сказал: "Не слушай его, мы не в браке."

"Нет?" — подозрительно спросил Лу Жун.

"Как ты думаешь, мы похожи на жениха и невесту? Ты когда-нибудь видели, как ребенок женится?"

Голос и выражение лица Шэнь Цзицзе были немного суровыми, когда он притягивал Лу Жуна к себе.

Лу Жун пошатнулся, когда его потянули, и немного недовольно поджал губы.

"Позволь мне сказать, не верь этой чепухе, мы не в браке, эти поклоны не в счёт," — сказал Шэнь Цзицзе со спокойным лицом.

"Не считается?" — Изумленно спросил Лу Жун, его глаза расширились.

"Да."

"Тогда то, что ты сказал..."

"Не в счет значит не в счет" — застенчиво и сердито перебил его Шэнь Цзицзе.

Лу Жун уставился на него, его глаза постепенно покраснели, под ними образовался слой воды.

Шэнь Цзицзе повернул голову, давая понять, что этот вопрос не подлежит обсуждению.

"Если не считается, то не считается. Кого это волнует?" — Внезапно закричал Лу Жун.

Его рот дважды открывался после крика, но он терпел, не плача. Он стряхнул руку Шэнь Цзицзе и спустился по каменным ступеням, его шаги были быстрыми, а его маленькое тело — прямым.

Сяо Гао было безумно весело, он вышел из леса, не отставая, с головой, полной листьев.

Лу Жун поперхнулся и сказал: "Давай вернемся и перестанем с ним разговаривать."

Сяо Гао завилял хвостом и глупо залаял.

Шэнь Цзицзе тоже сдерживал огонь в своем сердце.

Как можно просто так выйти замуж? Разве Сяо Юн не посмеялся бы над ним? Разве одноклассники не посмеялись бы над ним? Разве учитель не позвал бы его в учительскую и не уставился бы на него со своими стеклянными очками: "Ты замужем? Во время летних каникул ты почти не делала домашнюю работу, но вышел замуж! В понедельник утром на школьном собрании будет вынесено решение."

Страшно об этом думать.

Кроме того, разрешат ли ему мама с папой выйти замуж сейчас?

Почему мастер Хун не остановил их?

Шэнь Цзицзе яростно пнул дерево рядом с собой ногой, отчего у него заболели пальцы, поморщившись, развернулся на месте.

Но это успокоило его, он перестал злиться, особенно думая о Лу Жуне, который почти плакал,

убежав в раздражении, гнев в его сердце рассеялся.

Шэнь Цзицзе сбежал по каменным ступеням и вскоре увидел спину Лу Жуна. Он ускорился и остановился, оказавшись за Лу Жуном, и последовал за ним вниз.

Лу Жун проигнорировал его. Шэнь Цзицзе дважды кашлянул, но Лу Жун по-прежнему смотрел прямо перед собой, как будто не слышал его.

Шэнь Цзицзе хотел посмотреть, не плачет ли он, поэтому сделал два шага в сторону Лу Жуна, слегка повернув голову, чтобы взглянуть.

Лу Жун заметил его движения и повернул голову набок, не показывая ему своего лица.

Шэнь Цзицзе пришлось сказать: "Люди, которые плачут, когда недовольны, совсем не сильные."

Возможно, он подумал, что по каменным ступеням нелегко идти, или что он не хочет быть с Шэнь Цзицзе, но Лу Жун сошел со ступенек и соскользнул вниз по грунтовому склону справа.

Шэнь Цзицзе было неловко следовать за ним, поэтому ему пришлось ускорить шаг и встать бок о бок с Лу Жуном по горизонтальной линии.

Он продолжал поворачивать голову в сторону, и когда он, наконец, ясно увидел лицо Лу Жуна и обнаружил, что на нем нет слез, он почувствовал облегчение и сказал: "Верно, мужчины должны быть сильными, как они могут плакать, когда сталкиваются с чем-то?"

Лу Жун внезапно схватился за небольшое деревце рядом с собой, остановился и швырнул бамбуковую корзину, которую держал в руке, в Шэнь Цзицзе: "Возвращаю твою бамбуковая корзина."

"Упс," — удар застал Шэнь Цзицзе врасплох, он быстро протянул руку, блокируя бамбуковую корзину. Корзина, летящая по воздуху, была поймана Сяо Гао, и он радостно подбежал к Лу Жуну.

Шэнь Цзицзе тоже теперь немного злился. Никто из них больше не разговаривал, спускаясь с горы в тишине. В их ушах слышалось только пыхтение щенка и шум ветра, колышущего листья.

Лу Жун захотел избавиться от него и пустился рысью.

Шэнь Цзицзе последовал за ним по каменным ступеням.

Они оба, казалось, были рассержены, и оба бежали все быстрее и быстрее. Поскольку Лу Жун был на грунтовой склоне, в конце концов он не смог контролировать свою скорость, поэтому сел и заскользил вниз по грунтовому склону.

Пока Шэнь Цзицзе бежал, его острове глаза заметили, что перед ним был обрыв высотой в несколько метров, его сердце внезапно сжалось.

Теперь ему было все равно на злость, он крикнул "Жун-Жун" и бросился к склону, наполовину скользя, наполовину подбегая к Лу Жуну, и схватил человека.

После того, как они проскользили вместе еще полметра, они опасно остановились на краю обрыва.

Лу Жун опустил голову, его лицо немного побледнело, и он больше не упрямылся. Он послушно позволил Шэнь Цзицзе подтащить его к каменным ступеням.

На его икре, испачканной грязью, были две царапины. Шэнь Цзицзе спокойно присел на корточки, осматривая это место, осторожно стер пятна грязи пальцами, нахмутив свои красивые брови.

Лу Жун молча наблюдал за движениями Шэнь Цзицзе, подождал, пока тот встанет у него за спиной, шагнул вперед и обнял его за талию, а затем уткнулся лицом ему в грудь.

Хотя он ничего не сказал, именно это и означало примирение. Через некоторое время он почувствовал прикосновение пальца к своей голове, что было ответом Шэнь Цзицзе.

"Гэгэ..." — обиженно сказал Лу Жун, поднимая голову, чтобы заглянуть в лицо этому человеку, и тихо спросил: "Гэгэ, то что ты обещал мне прошлой ночью, не важно для тебя?"

Сказав это, он поцеловал Шэнь Цзицзе в грудь, как обычно кокетливо делал с дедушкой Цаем.

На солнце его волосы мягкие и изящные, а уши почти прозрачные. Шэнь Цзицзе наблюдал, как он осторожно прикасается к нему, его лицо было полно лести, сердце внезапно смягчилось, превратившись в поток воды.

Мой диди такой хороший и милый, я не должен быть к нему жесток.

Он снова вспомнил разговоры о мусорных баках прошлой ночью, и в его сердце вспыхнул жар: "Это важно, почему ты так считаешь?"

"Но ты только что сказал, что это не в счёт," — Лу Жун издал жалобный звук.

Шэнь Цзицзе сказал: "Только что я не говорил о вчерашнем обещании."

"Тогда, о чем ты говорил?"

Шэнь Цзицзе сказал: "Я говорил о браке."

"Брак имеет значение?" — Лу Жун обнял его за талию и встряхнул.

Шэнь Цзицзе колебался, не издавая ни звука.

"Это важно, важно, я хочу быть с тобой, гэгэ~" — Лу Жун кокетливо изогнулся в его объятиях, прекрасно зная, как произвести впечатление на Шэнь Цзицзе.

Шэнь Цзицзе действительно стал мягче. После того, как Лу Жун умолял его больше дюжины раз, он стиснул зубы и равнодушно сказал: "Это имеет значение."

Лу Жун получил желаемый, прищуриваясь с улыбкой.

Шэнь Цзицзе пожалел об этом, как только выпалил, но, увидев, что Лу Жун так мило улыбается, на его щеках появились ямочки, а глаза округлились, он стал совершенно счастливым ребенком, эти сожаления исчезли в одно мгновение.

Разве ты просто не выходишь замуж?

Все нормально.

Не говори своим одноклассникам, не говори Сяо Юну, разве ты просто не расскажешь им позже? Оставить это в секрете от мамы с папой, всего то.

Когда он подрастет, он сможет сказать им спокойным тоном: "Что ж, позвольте мне кое-что объявить, на самом деле я уже замужем..."

Думая о всеобщей реакции, ему казалось, что это довольно круто.

После того, как Шэнь Цзицзе понял это, его сердце внезапно, казалось, унесло ветром, и все колебания и тревоги исчезли. Он мгновенно изменил свое мышление и постепенно начал волноваться.

Ха! Я замужем?

Ха-ха! Я замужем!

Снова взглянув на мальчика перед собой, он вдруг почувствовал себя немного по-другому.

Жун-Жун моя... ах... я немного смущен... ах... это моя жена? Жун-Жун стал моей женой?

В этот момент Лу Жун поднял голову и снова улыбнулся ему, наклонив голову, со слоем мягкого пуха на ослепительном лице.

Да, Жун-Жун — моя жена.

Шэнь Цзицзе немедленно принял решение.

Но у него все еще нет возможности забрать его, так что он не может себе этого позволить...

Он может приезжать на гору Лунцюань только на праздники. Усердно работать — это большое дело. Когда он вырастет и заработает денег, он заберет его с собой.

Кстати, отныне он не может тратить деньги без разбора. Он должен откладывать свои карманные деньги, чтобы прокормить жену...

Шэнь Цзицзе быстро смирился со своим статусом замужнего человека, почувствовал в своем сердце чувство ответственности, торжественно планируя будущую жизнь их двоих.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326855>